

Митрахович Станислав Павлович
старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Прави-
тельстве Российской Федерации, г. Мо-
сква, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2252-6006
e-mail: stasmitr@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Политика идентичности – важнейшая черта трансформации современных общественно-политических отношений во многих странах мира. В подобную борьбу активно включились представители «прогрессистских» структур, пытающиеся подорвать основы существующей консервативной социальной системы и сложившееся равновесие институтов и относительных сил акторов. Во многом инициированная организациями гражданского общества, представляющими социальные меньшинства, данная политика стала инструментом реализации задач государственной власти. При этом политика идентичности с ее диспаритетным подходом к различным социальным группам при требованиях все больших полномочий государства в ее реализации остается глубоко противоречивой и порождающей идейные гибриды вроде «эко-авторитаризма» или «либерального авторитаризма».

Ключевые слова: политика идентичности, гражданское общество, меньшинства, политкорректность, демократия, идеология.

Цитирование: Митрахович С.П. Трансформация и противоречия политики идентичности в современной западной общественно-политической идеологии и практике гражданского общества // Вестник университета. 2020. № 1. С. 171–176.

Mitrakhovich Stanislav
Senior researcher, Financial University
under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2252-6006
e-mail: stasmitr@mail.ru

TRANSFORMATION AND CONTRADICTIONS OF THE IDENTITY POLITICS IN MODERN WESTERN SOCIAL AND POLITICAL IDEOLOGY AND PRACTICE OF THE CIVIL SOCIETY

Abstract. Identity politics has become a crucial feature of the transformation of modern social and political relations in many countries around the world. Representatives of “progressive” structures actively engaged in such a struggle, trying to undermine the foundations of the existing conservative social system and the established balance of institutions and relative powers of actors. Largely initiated by civil society organizations representing social minorities, this policy has become an instrument for the realization of the tasks of the state power. At the same time, identity politics, showing disparity approach to various social groups, while demanding the increasing powers of the State in its implementation, remains deeply contradictory and generates ideological hybrids such as “eco-authoritarianism” or “liberal authoritarianism”.

Keywords: identity politics, civil society, minorities, political correctness, democracy, ideology.

For citation: Mitrakhovich S.P. (2020) Transformation and contradictions of the identity politics in modern western social and political ideology and practice of the civil society. *Vestnik universiteta*. I. 1, pp. 171–176. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-171-176

Одним из ключевых аспектов трансформации общественно-политических отношений на их современном этапе, особенно на Западе, который все еще выступает в качестве референсной модели для иных обществ, включая российское, является так называемая политика идентичности (от англ. identity politics),

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state task of the Financial University under the Government of the Russian Federation .

© Митрахович С.П., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

также известная как «политика идентичностей». Ее цель можно определить как целенаправленное выстраивание таких социальных структур и содействие тем социальным процессам, при которых справедливость могла бы быть достигнута через развитие отдельных социально-политических и культурных идентичностей в обществе. На Западе политика идентичности стала пониматься и как часть процесса строительства нации, «интеграция национального сообщества» [1, с. 3]. При этом во многом продолжает существовать парадокс, когда активизация политики идентичности стала результатом усилий организаций гражданского общества, однако ее воплощение на практике потребовало и требует дальше укрепления государства и расширения пределов государственного влияния на социальные процессы и структуры.

В современном своем виде политика идентичности (идентичностей) берет начало с 1950-1960-х гг., будучи практическим следствием повышения экономического благосостояния западных обществ и попытки левых интеллектуалов перевести дискуссию о справедливости и оптимизации социальных процессов из привычного экономико-центричного ключа в русло проблем культуры и «неосязаемого» знания.

Фактически в данный период произошла очередная (в исторических масштабах) значимая трансформация конфликта между социальными авангардистами и социальными консерваторами. Метафорически этот конфликт часто описывается как «лево-правый» дуализм, сохраняющий свою актуальность, несмотря на многочисленные новые аспекты политики, приходящие с каждым десятилетием, особенно учитывая темп времени Новейшей истории (с начала XX в.). Однако, само по себе противостояние сторонников социальных инноваций («левых») и сторонников консервации социальной реальности («правых») никуда не уходит, а лишь преобразуется. И сохраняется вечный вопрос о том, до какого уровня радикализма можно и нужно доходить в желании увидеть социальный авангардизм и социальный прогресс (или псевдопрогресс) и какой уровень сопротивления этим социальным изменениям можно себе позволить.

Сторонники максимизации государственных усилий в сфере политики идентичности из числа «прогрессистов» при этом зачастую открыто допускают необходимость деструктивной политики (иначе – «подрывной политики», англ. *disruptive politics*), воспринимается частью, радикальным форматом состязательной политики, в свою очередь являющейся пространством перманентной борьбы протестующих и обладающих властью. Подрывная или разрушительная политика (разрушительная власть) рассматриваются в современной концептуальной политической экономии как еще одна форма власти в сочетании с созидательной и моральной властью [7]. В подобную форму политики как раз активно включились представители «прогрессистского» гражданского общества, пытающиеся подорвать основы существующей «консервативной» социальной системы и сложившееся равновесие институтов (правил игры) и относительных сил акторов. Будучи легитимированным в сознании активистов гражданского общества некими высшими целями (например, экологическими или гендерным прогрессом, или сочетанием этих положений, как у экофеминисток), становится возможным и запрос на «либеральный авторитаризм», «эко-авторитаризм» и т. п. [5].

В этом смысле слова в каждый конкретный момент времени и трансформации общественно-политических отношений в каждой стране существует свой уровень авангардизма («каких социальных инноваций хотим достичь») и свой уровень консерватизма («что именно мы собираемся консервировать»). Сходная логика подобного исторического развития консерватизма была подробно описана С. Хантингтоном в его знаменитой статье о консерватизме 1957 г. [6].

Политика идентичности применялась к различным группам, однако наибольшее развитие она получила через теоретиков второй волны феминизма. Тогда был провозглашен знаменитый лозунг: «Личное – есть политическое» (англ. *The Personal is Political*). Лозунг был предложен активистской и публицистом К. Ханиш, и далее породил множество различных политических интерпретаций и дискуссий, не связанных исключительно с феминизмом. Базовая идея заключается в том, что любая личная характеристика человека, в том числе которую он сам себе дает, причисляя себя к той или иной идентичности, оказывается политическим фактором. При этом политика идентичности породила большой объем противоречий, часть которых стала приобретать в том числе международное значение. Например, консервативно и скептически настроенных в отношении британской политики идентичности граждан Соединенного королевства (которые считали именно себя дискриминируемыми в сравнении с меньшинствами страны), проголосовавших на Brexit, «прогрессисты» обвиняли в том числе в фактическом содействии России и интересам ее внешней политики, якобы заинтересованной в глобальной дискредитации левого (авангардистского) либерализма [2].

Описанное в дискурсе феминизма и сексуальных меньшинств противоречие между стремлением максимально подчеркнуть особенности социальной группы и стремлением одновременно использовать при этом риторику равенства характерно и для прочих аспектов «политики идентичностей». Риторика о том, что «мы – особенные», но при этом «мы – равные и точно такие же, как и вы» на практике часто оказывается противоречивой и не слишком убедительной. Тезисы «мы – такие же, как вы» и «мы – особенные» слишком сложно сочетать друг с другом.

Например, с одной стороны, предполагается, что борьба радикального феминизма с гендерной дихотомией, как и с «объективно заложенной» или «объективно образующейся» разницей в социальных характеристиках, вроде бы отвечает ценностям политики идентичности. Подразумевается, что у человека нет иной идентичности, кроме той, которую он сам сознательно выбирает. С другой стороны, сам фокус пафоса политики идентичности направлен на утверждение ценности разнообразия идентичностей. Вкупе с растущим приоритетом групповых прав над индивидуальными люди буквально подталкиваются к обозначению себя как участников группы, в противном случае их социальная конкурентоспособность резко снижается. Но тогда курс на уничтожение или смягчение дихотомий («мужественность – женственность», «черный – белый», «европейский – не европейский», «атеист – мусульманин» и пр.) оказывается объективно противоречащим «ценности разнообразия».

Из заметных авторов по данной теме можно отметить И. Гофмана («Представление себя другим в повседневной жизни»), разбиравшего стремление людей к «точечной» идентификации, делая выбор по ситуации. Дело не просто в игре одним человеком сразу нескольких социальных ролей, а в попытке инсценировки идентичности, иногда не имея прямых оснований. Есть примеры, скажем, белых американцев из числа леволиберальных активистов, которые требуют, чтобы по идентичности их считали черными [3]. В этих случаях отказ в праве на дихотомию (право сознательно быть черным) понимается как недопустимое структурное насилие, в то время как для активистов борьбы с дихотомией и сторонников тезиса «мы все одинаковые» идеологическая трактовка в данном случае оказывается полностью противоположной. Отсюда идет корень актуальных дискуссий о запрете или, напротив, принудительном стандарте на использование терминов вроде «черный», «белый» (или иных идентификаторов социальных групп). Многие публичные спикеры и журналисты в этой связи часто попадают в глупейшие ситуации и запутываются, не понимая, какой же подход – борьбы против дихотомий или за них – оказывается более «прогрессивным» и востребованным редакцией и аудиторией. Попытки же подстраховаться оказываются все чаще совсем анекдотическими. Например, «афроамериканцами» часто журналисты называют любых чернокожих в любых странах, хотя эти люди могут вообще не иметь никакого отношения к Америке (ни по гражданству, ни по этничности, ни по культуре, ни по самоидентификации).

Отметим, что, убирая отличия, сторонники борьбы с гендерной дихотомией сокращают и свой объект для критики – те самые различия и неравенство в статусах. Жизнь без переживания различий и статусов («в этом городе – самая вкусная кухня такого-то государства или народа» – пример пока еще допустимого противопоставления) оказывается не просто обедненной, но и становится тем самым миром, в котором «политика и идеология идентичностей» теряет фокус критики.

Разрешить всю проблему через сведение идентичностей к «плохим» (которые не выбираются) и «хорошим» (которые выбираются) тоже не вполне получается. Ведь ограничение в свободе самоопределения противоречит самой сути идеологии свободного выбора идентичности. В итоге становится сложно запретить идентичность, базирующуюся на врожденной характеристике, вроде цвета кожи.

Соответственно, еще более сложная ситуация возникает при попытке оппонентов современных либералов использовать методы объявления о собственной антилиберальной идентичности, или ее инсценировке. Эта идентичность явно может быть выбрана, хотя она и носит очевидно нежелательный с точки зрения либералов характер.

Ярким примером являются движения националистов или религиозных радикалов, по поводу которых либералы не имеют однозначной позиции, запрещать их или нет. Можно проводить разграничение между легальным радикализмом и нелегальным экстремизмом, но разделение будет касаться конкретных форм той или иной идеологии в лице ее конкретных представителей, а не концептуального обоснования, почему та или иная идентичность недопустима. Фактически единственной запрещенной идентичностью оказывается «фашизм», и то исключительно в силу исторических причин. Никаких же четких концептуально-очерченных характеристик фашизма, как он понимается в современном реальном политическом дискурсе

на Западе, просто нет – слово фашизм лишь оказывается негативным обозначением конфликтующих идеологий и идентичностей по отношению друг к другу. Сложно найти прилагательное, которое бы в последние десятилетия в рамках политических дискуссий не применялось бы вместе с существительным «фашизм»: «немецкий неофашизм», «исламский фашизм», «христианский фашизм», «атеистический фашизм», «либеральный фашизм», «бюрократический фашизм», «миграционный фашизм», «культурный фашизм», «политкорректный фашизм» и т. д.

Относительно новым концептуальным вызовом, с точки зрения сторонников политики идентичности, является отношение к сюжетам о так называемом специецизме, то есть о «биологической или видовой дискриминации» [4]. Идея в том, что природа и климат должны пониматься как «угнетаемая сущность», причем в основном белыми мужчинами Запада (руководителями крупнейших коммерческих компаний, эксплуатирующих природу). А угнетение природы в странах Третьего мира тем более негативно отражается именно на женщинах данных регионов как более уязвимых субъектах социума. Тем самым «андроцентризм» пересекается с «антропоцентризмом», то есть формой специецизма именно с точки зрения человека как биологического вида («антропоцентристский специецизм»). Политика идентичности в данных сюжетах проистекает от активности гражданских организаций, требующих максимизации государственных усилий для поддержки веганских и тому подобных идентичностей при подавлении идентичностей вроде приверженности традиционной кухне. На практике может выражаться в актуальных требованиях в Европе устанавливать все более высокие налоги на мясные рестораны, заодно содействуя ограничению выбросов углекислого газа от скотоводства как отрасли экономики.

Укажем на наиболее известные националистические движения, по поводу определения отношения к которым у леволибералов были и остаются проблемы. Некоторые из этих националистических организаций, кстати, предлагают авангардное прочтение понятия «нации» как социального конструкта на базе религии. Например, знаменитая «Нация ислама», предлагавшая чернокожим американцам дополнительную стержневую идентичность на базе ислама (сравним с теорией «нации женщин» у Сильвии Уолби и др.). Одним из ее наиболее значимых лидеров был теоретик «черного превосходства» (англ. black supremacy) Мальком Икс, в конце своей жизни, правда, порвавший с организацией и в итоге убитый одним из ее активистов. Мальком Икс требовал, среди прочего, дополнительных выплат чернокожим «за столетия рабства», а также отвергал концепцию ненасильственной борьбы за гражданские права.

В деятельности «Нации ислама», помимо прямого черного («анти-белого») расизма были и сильнейшие элементы антисемитизма и ненависти к гомосексуалистам. Евреи, среди прочего, считались «Нацией ислама» одними из главных организаторов торговли чернокожими рабами, а также олигархического контроля над американской и вообще мировой экономикой. Таким образом, деятельностью «Нации ислама» были созданы к 1960-м гг. одни из первых в современном формате дискуссий о меньшинствах, использующих свою идентичность для противопоставления себя не только большинству, но и другим меньшинствам. И все же леволиберальный западный мейнстрим не может выработать консенсус по отношению к той форме «борьбы за права меньшинств», который предлагала «Нация ислама». Те же самые идеи дополнительных выплат чернокожим «за прошлые преступления» белых вполне имплементированы в современный дискурс о борьбе с «привилегиями белых» (от англ. white privilege), с которым предполагается бороться с помощью ужесточения политики аффирмативных действий (вводя дополнительные налоги на белых (от англ. white privilege tax) или ужесточая для них критерии карьерного роста в крупных компаниях и на государственной гражданской службе).

Сходные идеи с «Нацией ислама» разделяла радикальная политическая организация «Черные пантеры», совмещавшая функции политической партии и милитантной группировки. Организация была активна в 1966-1982 гг. Сочувствие «Черным пантерам» выражали заметные фигуры контр-культуры 1960-х гг. типа знаменитой рок-певицы Дженис Джоплин эпохи Вудстока. Спустя десятилетия им симпатизировали культовые фигуры черного рэпа вроде Тупака Шакура. Сами «пантеры» эволюционировали от деклараций вроде требования освободить всех чернокожих заключенных и от намеренных провокаций по отношению к полиции до методов вроде жестоких пыток и убийства одного из членов организации Алекса Ракли, заподозренного в работе на полицию как информатора. Милитантизм (военизированность) группировки приводил ко все более кровавым конфликтам и с полицией, и с прочими вооруженными группировками, особенно криминального характера. Мейнстримная пресса, включая леволиберальные издания, была вынуждена поменять

свое отношение к организации, что с учетом давления ФБР привело к ее роспуску. В настоящее время существует так называемая Новая партия Черных пантер для самообороны (англ. New Black Panther Party for Self-Defense (NBPP)), которая хотя официально не считается преемнической, но по своей идеологии вполне ей близка. И позитивные оценки исторической роли «пантер» в деле «привлечения внимания к несправедливым действиями полиции» до сих распространены в леволиберальных академических и медийных кругах. А некоторые бывшие «пантеры» сделали вполне легальную политическую карьеру. Например, Чарльз Баррон был членом городского совета Нью-Йорка с 2001 по 2013 г., а Бобби Раш с 1993 г. является членом Палаты представителей Конгресса США. Бобби Раш во времена «пантер» продвигал необходимость так называемого нападающего насилия (англ. offensive violence) в отношении властных структур.

В более мягкой форме и с фокусом на культуру существовали и существуют концепции вроде black pride и black power, призванные «пробудить сознание» (consciousness raising, именно такое название получила данная стратегия в рамках «политики идентичностей») и гордость за свою расовую и производную от нее культурную принадлежность (идентичность). И если концепцию black power еще можно было критиковать самим чернокожим правозащитникам (пример – Баярд Растин, один из соратников Мартина Лютера Кинга) и (с осторожностью) мейнстримным авторам, то с критикой black pride выступать гораздо сложнее. Pride (англ. гордость) – общий термин для публичных мероприятий в поддержку той или иной идентичности (gay pride, Asian pride и т. д.). В итоге black pride, как и известное движение в культуре под названием «Black is beautiful», находится вне зоны прямой критики, и скорее даже в «зоне комфорта» для мейнстримных академических и медийных средств коммуникации. Проблемы у либералов возникают с реакцией на аналогичные проекты со стороны белых националистов – проекты вроде White pride. Данная идентичность неизбежно оказывается в числе нежелательных, но конкретных аргументов по ее запрету практически нет. Сложно запрещать лозунги вроде «White is beautiful» при поддержке лозунгов вроде «Black is beautiful». Либеральные авторы пытаются описывать одни «прайды» как «защитные» и «направленные против стереотипов», но эти оценки неизбежно выглядят в высшей степени субъективными («нравится – не нравится»), а юридические доводы для запрета «гордости» в отношении «белой идентичности» найти сложно.

В целом очевидно, что постмодернистский ценностной релятивизм в рамках «политики идентичностей» пока оставляет больше вопросов, чем ответов на тему, каковы пределы свободного выбора современным человеком идентичности, кому разрешается строить свою идентичность на основе тезиса об «ущемленности», а кому не разрешается, и где проходят границы претензий на защиту этой идентичности от структурного насилия. При дальнейшей общественной трансформации придется давать ответы на конкретные вопросы вроде запрета или разрешения white pride или черного рэпа с обценной лексикой или, например, элементов шариата на отдельных территориях европейских государств. При этом и в случае поддержки определенных идентичностей, и в случае давления на иные идентичности все равно придется использовать механизмы сильного государства с расширенными полномочиями. В этом смысле сохраняется парадокс роста гражданского общества, многие структуры которого, особенно связанные с меньшинствами, сначала противопоставляли себя государственной власти, чтобы теперь требовать, напротив, усиления полномочий и регулятивных возможностей государственных институтов.

Библиографический список

1. Ачкасов, В. А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 71-77.
2. Митрахович, С. П. Влияние Brexit на политический и идеологический конфликт элит Европы и России // Власть. – 2019. – № 3. – С. 47-52.
3. “I consider myself black,” says white woman who posed as an African American: US civil rights activist Rachel Dolezal, who claimed she was an African American, was outed by her parents as a white woman // The Telegraph. – 2015. – June 13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/northamerica/usa/11672742/I-consider-myself-black-says-white-woman-who-posed-as-an-African-American.html> (дата обращения: 09.10.2019).
4. Horta, O. What Is Speciesism? // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. – 2010. – Vol. 23. – I. 3. – Pp. 243-266.
5. Humphrey, M. Ecological politics and democratic theory. The challenge to the deliberative ideal. – New York: Routledge, 2007. – 169 p.

6. Huntington, S. P. Conservatism as an ideology // The American Political Science Review. – 1957. – Vol. 51. – Pp. 454-473.
7. Vahabi, M. The Political Economy of Destructive Power (New Horizons in Institutional and Evolutionary Economics). – Cheltenham: Edward Elgar, 2004. – 280 p.

References

1. Achkasov V. A. Politika identichnosti v sovremennom mire [*Identity politics in the modern world*] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniy, 2013, I. 4, Pp. 71-77.
2. Mitrahovich S. P. Vliyaniye Brexit na politicheskii i ideologicheskii konflikt elit Evropy i Rossii [*The impact of Brexit on the political and ideological conflict between the elites of Europe and Russia*] // Vlast', 2019, I. 3, Pp. 47-52.
3. "I consider myself black," says white woman who posed as an African American: US civil rights activist Rachel Dolezal, who claimed she was an African American, was outed by her parents as a white woman, The Telegraph, 2015, June 13. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/northamerica/usa/11672742/I-consider-myself-black-says-white-woman-who-posed-as-an-African-American.html> (accessed 09.10.2019).
4. Horta O. (2010). What Is Speciesism?, Journal of Agricultural and Environmental Ethics, 2010, Vol. 23, I. 3, pp. 243-266.
5. Humphrey M. Ecological politics and democratic theory. The challenge to the deliberative ideal, New York, Routledge, 2007, 169 p.
6. Vahabi M. The Political Economy of Destructive Power (New Horizons in Institutional and Evolutionary Economics), Cheltenham, Edward Elgar, 2004, 280 p.
7. Huntington, S. P. Conservatism as an ideology, The American Political Science Review, 1957, Vol. 51, Pp. 454-473.